

КОНЦЕПТУАЛИЗИРОВАННОЕ ПОНЯТИЕ «ПУТЬ/ДОРОГА» В НАРОДНОМ СОЗНАНИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ОБРЯДОВ И РИТУАЛОВ)

С. Г. Буданова

Кубанский государственный университет

***Реферат.** Статья посвящена изучению концепта “путь/дорога” в языковом сознании русских. Исследуется представление о пути/дороге как о сакрально значимом локусе, проводится анализ примет, обрядов и ритуалов, связанных с особенностями представлений о дороге.*

***Ключевые слова:** концепт, путь, дорога, пространство, картина мира, языковое сознание.*

Некоторые частные особенности представлений о дороге и связанные с ними обрядовые и ритуальные традиции, характерные для русской нации, исследованы в ряде работ по мифологии славян, культурологии, этнологии и др. [1—4 и др.], однако своего целостного описания в этнолингвистике концептуализированное понятие “путь/дорога” до сих пор не имеет. Предметом наших наблюдений стали приметы, русские обряды, ритуалы и другие магические действия, в которых нашло отражение представление о настоящем концепте, являющемся одним из важнейших в русской языковой картине мира. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, “понятие дороги в русской ментальности играет необычайно большую роль (гораздо большую, чем в других европейских культурах)” [5, с. 3]. В статье предпринята попытка описать концептуализированное в народном сознании понятие “путь/дорога” с целью выявить его национально-культурные содержательные компоненты.

Дорога — ритуально и сакрально значимый локус, имеющий многозначную семантику и функции. Дорога соотносится с жизненным путем, путем души в загробный мир и семантически выделяется в переходных ритуалах. Дорога — место, где проявляется судьба, доля, удача человека при его встречах с людьми, животными и демонами. Дорога — разновидность границы между “своим” и “чужим” пространством; мифологически “нечистое” место, служащее для удаления вредных и опасных объектов (насекомых, сорняков, болезней и пр.), для совершения лечебных, продуцирующих и вредоносных магических действий. Мифологическая семантика и ритуальные функции дороги в наибольшей степени проявляются в местах скрещения двух или нескольких дорог, на развилках, в местах пересечения дорогой ворот, границ села, мостов и других рубежей.

На обочинах дорог, на перекрестках у восточных славян было принято хоронить самоубийц, некрещеных детей и др. Существовали также определенные запреты и обереги на дороге. Например, запрещалось спать, строить дом на том месте, где была дорога, т. к. в таком доме будет неспокойно жить.

Выбрасывание на дорогу различных предметов является способом ритуального удаления опасной и вредоносной субстанции за пределы “своего” пространства и ее уничтожения. Ритуальное уничтожение на дороге обусловлено и ее семантикой как места, где “нечистые” предметы затаптывают, а также разносят, растаскивают ногами, расчлняя вред и опасность на множество частей. При лечении болезней на дорогу выбрасывали ногти и волосы больного, предметы, бывшие с ним в соприкосновении: его полотенце, рубашку, а также предметы, на которые с помощью заговора “переводилась” болезнь: яйцо, монету, полено, камешки от печки. На дорогу выливали воду, которой мыли больного или мылись сами в Чистый четверг, чтобы быть здоровыми. Согласно поверьям, болезни “проходят” так же, как по дороге проходят люди. Схожим образом избавлялись от клопов и тараканов — их выбрасывали из дома, выволакивали на дорогу.

Выбрасывание предметов на дорогу могло быть и актом вредоносной магии, призванной передать другому лицу порчу или болезнь. Оставляя на дороге вещи больного, считали, что болезнь тогда покинет его, когда их поднимет другой человек, на которого и перейдет болезнь. В связи с этим существовал запрет поднимать на дороге, особенно на перекрестке, найденные вещи и даже прикасаться к ним.

В продуцирующей и охранительной магии, в свадебном ритуале и др. практиковалось символическое перегораживание дороги, построение препятствия. При возвращении молодых от венца дорогу перегораживали бревнами, камнями, веревкой, лентами и пр., требуя от жениха выкупа за право проезда свадебного поезда.

Переход дороги человеку или скоту использовался для отнимания здоровья, счастья, плодovitости. Коров лишали молока, переходя им дорогу с пустым ведром. Чтобы испортить жизнь молодым переходили дорогу свадебному поезду. Поэтому тщательно следили, чтобы никто не перешел дорогу отправляющимся в путь во всех этих и других важных случаях. Переходить дорогу похоронной процессии и обгонять ее нельзя было потому, что перешедший мог умереть или заболеть.

Дорога (как локус, образ) в русской ритуальной традиции получает свою определенность, прежде всего, по отношению к дому как ее противоположности [6, с. 28]. Такое противопоставление дома и дороги приобретало зримую форму в дорожных обрядах выворачивания. Заблудившись в лесу, путник переобувал лапти с левой ноги на правую, а одежду выворачивал наизнанку. То же проделывали, когда шли искать пропавших в лесу детей (или домашних животных). Встретив по дороге черную кошку, следовало переложить сумку в другую руку, поменяться с идущим рядом местами. Обряды с выворачиванием/ переворачиванием совершали тогда, когда требовалось найти дорогу, вступить в контакт с олицетворявшими ее силами и персонажами, т.е. это было средство перехода в мир дороги. Характерно, что дома выворачивание одежды считалось плохой приметой: “Наденешь что-нибудь наизнанку — будешь бит”. То, что дома опасно, в дороге спасительно, как в перевернутом мире с обратными законами.

В свадебном, крестильном и похоронном обрядах имел значение выбор дороги, по которой следовало ехать в церковь или на кладбище и обратно, т.к. локус, по которому происходило движение, соотносился с жизненным путем молодых или ребенка в одном случае и путем покойника в загробный мир в другом. Свадебный поезд едет после венчания другой или кружной дорогой, чтобы сбить с пути смерть, болезни и несчастья, подстерегающие молодых; по этой же причине другой дорогой крестные должны возвращаться с ребенком после крещения. Похоронная процессия должна двигаться на кладбище кружной дорогой и без остановок, чтобы покойник не вернулся домой.

Как отмечают многие исследователи, свадебный и погребальный обрядовые комплексы обладают генетической близостью [1; 7; 8; 9 и др.]. “У всех славянских народов брак и погребение, любовь и смерть имеют между собой тождественную аналогию” [9, с. 34]. Подобная связь актуализируется и через символический образ дороги, характерный для обоих ритуалов. В свадебном действе в роли путника выступает невеста, именно она осуществляет переход из “своего” пространства в “чужое”. Она является обрядовым персонажем, который пребывает в состоянии перехода (уподобление смерти). Девушка, становясь невестой, вступает в “ничью землю”, “нулевой” топос, где для всех окружающих она “незнакомая”, “неведомая” (по М. Фасмеру “невеста” — “неизвестная”), “чужая”. Для древних славян было очевидным, что этот краткий период в жизни женщины следует воспринимать как смерть, именно на таком представлении построена вся начальная часть свадебного обрядового комплекса: невесту оплакивают, одевают ее в траурные одежды (феномен “невеста в черном”), шьют ей саван, устраивают “прощания” перед отправлением в путь к новой замужней жизни [1, с. 73—74].

Таким образом, связь дороги с потусторонним миром и семантикой жизненного пути делают ее местом, где узнается судьба, проявляется удача или неудача, которые реализуются во время случайных встреч с людьми и животными, где не действуют законы обжитого пространства (дома), местом, которое связывает две противоположности — “свое” и “чужое” пространство, реализуемое в большинстве обрядовых традициях (крещение, свадьба, погребение и др.). Некоторые из сделанных наблюдений о пути/ дороге как о сакрально значимом локусе справедливы не только для русских, но для всех восточных славян. Поэтому в перспективе сделанные в данной работе выводы можно использовать при сопоставлении представлений о пути/ дороге в различных языковых культурах в синхроническом или диахроническом аспектах, а также в разных языковых картинах мира (например, общеязыковой и регионально специфичной).

РЕЗЮМЕ

Статтю присвячено вивченню концепта «шлях/дорога» в російській мовній картині світу. Досліджується уявлення про шлях/дорогу як про сакрально значущий локус, наводиться аналіз прикмет, обрядів і ритуалів, пов'язаних з особливостями уявлень носіїв російської мови про шлях/дорогу.

Ключові слова: концепт, шлях, дорога, простір, картина світу, мовна свідомість.

SUMMARY

Article is devoted to concept studying "way/road" in the Russian language picture of the world. Idea of the way / road as about sacrally significant locus is investigated, the analysis of signs, ceremonies and the rituals connected with features of ideas of Russians about the road is carried out.

Key words: concept, way, road, space, world picture, language consciousness.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Гусева, Е. В. Архетип дороги в мифопоэтическом творчестве восточных славян [Текст] / Е. В. Гусева // Уваровский чтения — IV. Богатырский мир: эпос, миф, история / Под редакцией Ю. М. Смирнова. — Муром, 2003. — С. 73—74.
2. Кургузова, Н. В. Архаические оппозиции ритуального пространства русской свадьбы (на материале свадебной лирики) [Электронный ресурс] / Н. В. Кургузова // Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kurguzova1.htm>. — Загл. с экрана.
3. Левкиевская, Е. Е. Мифы русского народа [Текст] / Е. Левкиевская. — М.: АСТ Астрель, 2010. — 528 с.
4. Славянские древности. Этнолингвистический словарь [Текст] / под ред. Н. И. Толстого. — Т. 2. — М., 1999. — С. 124—129.
5. Арутюнова, Н. Д. Путь по дороге и бездорожью [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки динамического мира. — Дубна, 1999. — С. 3—18.
6. Щепанская, Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX—XX вв. / Т. Б. Щепанская. — М.: Индрик, 2003. — 528 с.
7. Балашов, Д. М. Русская свадьба [Текст] / Д. М. Балашов, Ю.И. Марченко, Н. И. Калмыкова — М., 1985. 402 с.
8. Еремина В.И. К вопросу об исторической общности представлений свадебной и погребальной обрядности (невеста в “черном”) [Текст] / В.И. Еремина // Русский фольклор XXIV. — Л., 1987. — С. 117—128.
9. Костомаров Н.И. Об историческом значении русской народной поэзии [Текст] / Н. И. Костомаров. — Харьков, 1943. 214 с.

Надійшла до редакції 21.10.2013 р.